

УДК 793.2:747:7.036(476)«19»

**БССР.
Агитационное искусство
1920–1930-х годов**

Шамшур В. В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова», Витебск

Стремление использовать искусство как идеологическое и политическое оружие обозначилось еще во время Французской революции. После захвата власти в России большевиками начал формироваться и внедряться в художественную культуру новый род синтетического искусства – агитационно-массовый, с задачей пропаганды идей и объяснения сути пролетарской революции, а в 1920–1930-х гг. – радикальных преобразований в культуре, общественной жизни и политике. В представленной публикации автор, опираясь на частично сохранившиеся материалы того времени, пытается раскрыть и проанализировать основные организационные формы и художественные средства агитационно-массовых мероприятий тех лет в Беларуси или в бывшей Белорусской Советской Социалистической Республике. Рассматриваются новые формы советской празднично-зрелищной культуры, вызванные общественно-политическими реалиями довоенного времени: исторические инсценировки, политические и антирелигиозные карнавалы, особенности оформления приграничных территорий.

Ключевые слова: агитационно-массовое искусство, советские праздники, «жить стало лучше, жить стало веселей», театрально-зрелищные мероприятия, политкарнавалы, антирелигиозные карнавалы, праздники на границе, декоративно-художественное оформление, оформление железнодорожных станций.

(Искусство и культура. – 2017. – № 2 (26). – С. 27–31)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kdritg@vsu.by – В. В. Шамшур

BSSR. Propaganda Art of the 1920-ies – 1930-ies

Shamshur V. V.

Educational Establishment «Vitebsk State P. M. Masherov University», Vitebsk

Application of art as an ideological and political weapon dates back to the French Revolution. After Bolsheviks seized power in Russia a new type of synthetic art started shaping and penetrating into art culture. It was propaganda art which had as the objective explanation and propaganda of the ideas and the essence of the proletarian Revolution, and, in the 1920-ies – 1930-ies, radical transformations in culture, social life and politics. The author bases on partially surviving materials of that time and tries to reveal and analyze basic organization forms and artistic ways of propaganda events of the 1920-ies – 1930-ies in Belarus, or in the former Belarusian Soviet Socialist Republic. New forms of Soviet holiday celebration culture are considered, which were caused by social and political phenomena of the prewar time: historical performances, political and anti religious carnivals, features of borderline territories decoration.

Key words: propaganda art, Soviet holidays, «life has become happier», theatrical performance events, political carnivals, anti religious carnivals, borderline holidays, decorations, railway station decoration.

(Art and Cultur. – 2017. – № 2 (26). – P. 27–31)

1920-е годы в СССР – годы так называемой новой экономической политики с элементами рыночных отношений – НЭПа. Что касается политико-идеологической работы, то она оставалась в руках государства и партии, правда, с несколько видоизмененными методами и формами. В наибольшей степени эти новые изменения проявились в агитационно-массовом искусстве и, в частности, в репертуаре и художественном оформлении массовых «красных» торжеств. Проводимые празднества и другие пропагандистско-политические мероприятия приобретают по сравнению с первыми годами советской власти более привлекательный, театрально-зрелищный характер. «Ночное факельное шествие “трех поколений”», – писал журнал “Трибуна искусства” накануне майских праздников 1925 г., – звонкие песни, салюты, иллюминация, световые лозунги и кино на площадях, карнавалы, политические живые карикатуры и шаржи, массовые действия и выступления, спортивные олимпиады – вот что в этом году волеет в рабочую среду радость и бодрость, волю к борьбе и веру в победу» [1, с. 3]. К этому следует добавить, что благодаря относительной свободе рыночных отношений в стране удалось преодолеть товарный голод. Организаторы агитационно-массовых кампаний, художники-оформители получили необходимые художественные материалы и, главное, в достаточном количестве дефицитную в послереволюционные годы красную ткань. Городская праздничная (и не только праздничная) среда, наконец, насытилась кумачом в различных сочетаниях и формах.

Цель статьи – на основе газетных сообщений, воспоминаний современников и других материалов, раскрыть и проанализировать отличительные особенности советских агитационно-массовых мероприятий в Беларуси: организацию и декоративно-художественные средства исторических инсценировок, политических и антирелигиозных карнавалов, специфику праздничных мероприятий и их оформление на приграничных территориях.

БССР. Организационные формы и оформление советских празднеств 1920–1930-х гг. Где-то начиная с середины 20-х годов в советском

пропагандистском аппарате и прессе начало зарождаться стремление выдать желаемое за действительность и соответствующее ему утверждение, «что жить стало лучше, жить стало веселее». К 30-м годам этот пропагандистский опус стал знаковым выражением преимуществ советского строя и превратился в повсеместно культивируемый лозунг. Под ним начинают проходить большинство массовых кампаний и празднеств. В их репертуар постоянно включаются наполненные пафосным оптимизмом политические инсценировки и карнавальные шествия.

Название «карнавал» в предвоенные годы в СССР носили так называемые «политкарнавалы», которые в отличие, допустим, от венецианских или бразильских карнавалов, где главными являются маскарадные шествия, забавы, шутки и гулянья больших масс народа, выделялись тем, что в них раскрывалась определенная политическая тема с участием ограниченного числа людей. Следует отметить, что не только карнавалы, но и все большевистские торжества носили ярко выраженный агитационно-политический характер. «Как наши будни, так и праздники, – говорилось в заметке “Трибуны искусства”, – тесно переплетены с явлениями и событиями политического порядка, наши праздники – это дни итогов классовой борьбы пролетариата и смотра его сил. Поэтому наши развлечения должны быть пропитаны классовой ненавистью к врагам и любовью к друзьям пролетариата. Карнавалы будут в яркой художественной форме выявлять наши важнейшие внутренние и внешние политические моменты» [1, с. 3].

Первая карнавально-историческая инсценировка под названием «Освобождение Минска от белополяков» состоялась в Минске 11 июля 1925 г., когда отмечалась 5-я годовщина освобождения Беларуси от войск польской армии. Это был один из главных праздников довоенной республики. Разыгрываемые обостренно-гротескные сцены поэтапно воскрешали события пятилетнего прошлого: «Минск во власти белополяков», «Насилие над мирными жителями, разгул офицеров», «Красная разведка, тревога, паника», «Красные в городе,

бой, помощь рабочих, занятие города», «Встреча народом Красной армии, парад». Сцены захвата противником Минска, а потом наступление «красных» сопровождалось орудийными и ружейными выстрелами, ракетами, эффектными кавалерийскими атаками и сражениями [2].

Особым размахом и зрелищностью отличались политкарнавалы, проводимые во время празднований Международного юношеского дня, который отмечался в то время 1 августа. Празднования организовывались в крупных городах республики и имели острополитический характер, направленный, как грезились советским руководителям, на поддержку борьбы «угнетенных» народов за свободу и демократию, против войны и милитаризма. Организатором и участником их была искусственно созданная, так называемая, Молодежная организация помощи революционерам – МОПР. С центром в Москве, она имела республиканские, областные, городские райкомы и производственные ячейки. На организацию и оформление мопровских политкарнавалов и других мероприятий отпускались немалые финансовые и материальные средства. К оформительским работам и сценическим действиям привлекались профессиональные художники, скульпторы, декораторы, десятки самодеятельных художников, артисты и музыканты. Большая работа выполнялась в женских секциях (были даже такие) городских райкомов МОПРа, где по эскизам художников шились карнавальные костюмы, головные уборы, декоративный реквизит и маски [3].

Наиболее масштабный и впечатляющий мопровский карнавал состоялся в 1929 г. в Минске. По сохранившимся фотографиям, воспоминаниям минского художника Л. Кроля, назначенного главным художником-оформителем карнавала, заметкам в периодической печати, представляется возможность частично восстановить его сценарий, проанализировать пластический реквизит и агитационно-зрелищные качества. Предварительно разработанный церемониал основывался на взаимодействии театрально-сценических, музыкальных, шумовых и декоративно-художественных компонентов. На рассмотрение организационной комиссии были представлены два проекта оформления – художника А. Вало (финский художник, живший и работающий в то время в Беларуси) и упомянутого выше художника-оформителя Л. Кроля. По проекту А. Вало (воспоминания Л. Кроля) центром карнавального шествия должен был стать огромный дракон с головой капиталиста, расположенный на платформах пяти грузовиков, движущихся друг за другом. Деревянный каркас, обтянутый раскрашенной материей, конструкцию которого составляли отдельные звенья, позволял грузовикам делать повороты, что создавало эффект извивающегося «дракона-империалиста». Однако, по мнению организационной комиссии, основная тема, антиимпериалистическая, решалась односторонне, недостаточно полно, хотя и весьма эффективно. За основу был принят проект Л. Кроля, где автор предложил использовать многоплановое решение темы. Главными объектами шествия являлись тематически оформленные грузовые автомобили, на которых монтировались

объемные композиции «кладбище жертв войны», «империализм и его смерть», «тюрьма народов» и другие. При этом художникам приходилось решать не только пространственно-пластические и декоративные, но и технические задачи. Грузовики закрывались конструкциями из реек, фанеры, материи, которые являлись основой для крепления бутафорных гробов, черепов, тронов, пушек и других элементов тематических композиций. Все это должно было выдерживать вес живых участников представления: «капиталистов», «царя», «попов», «жандармов». Установки расписывались активным цветом в соответствии с тематикой оформления, снабжались поясняющими надписями, цифрами и рассчитывались на круговой обзор. Скульптурная бутафория из папье-маше выполнялась под руководством минского скульптора А. Сороки. Для «парчовых» одежд «царей» и «попов» использовалась окрашенная бронзовой краской мешковина. Цепи изготавливались из веревок, оклеенных папье-маше. «Смерть» была наряжена в черное трико с нарисованным скелетом и черепом-маской на лице.

По свидетельству прессы, карнавальные шествия захватывало целые кварталы столицы: площадь Свободы, улицы Красноармейскую, Володарского, Советскую, К. Маркса и Ф. Энгельса. Привлеченные необычным зрелищем тысячи горожан и приезжих образовали живые коридоры по пути следования карнавала [4].

Карнавальные театрализованные представления проводились не только в столице, но и в других городах республики. В качестве примера можно привести массовую инсценировку с элементами карнавала в Витебске во время празднования 10-й годовщины Октябрьской революции. Следует отметить, что благодаря наличию здесь единственного в Беларуси художественного техникума, в городе имелись значительные творческие силы, которые постоянно привлекались к организации и художественному оформлению советских торжеств. Сценарий проведения юбилейной годовщины был разработан витебским Белгостеатром, артисты которого принимали участие в главных сценических действиях. Основная часть эскизных разработок оформления (ответственным за их исполнение был директор техникума скульптор М. Керзин) выполнялась учащимися, будущими белорусскими художниками. Ими же, вместе с самодеятельными мастерами, производились декоративно-оформительские работы в материале, росписи, изготовление объемно-пространственных установок и бутафорного реквизита. В витебской газете «Заря Запада» отмечалось, что для проведения этого массового мероприятия потребовалось 40 лошадей, 2 трамвайные установки, трактор, грузовики и несколько повозок [5]. Торжественным было начало праздника. Утром по городу в нарядных одеждах разъезжали конные гарольды – трубачи-фанфаристы (хочется перенести это эффектное действие в наше время) в сопровождении кавалькады всадников с красными выпелами и призывали горожан к участию в торжествах. Карнавальное представление началось

после демонстрации и военного парада. Артисты театра, наряженные в бутафорские сверкающие одежды древних римлян, рыцарей, индийских раджей и феодалов составляли группу угнетателей трудового народа. Разыгрывались сцены борьбы за свободу рабочих и крестьян. Оригинально решалась сцена похорон старой армии, где на разбитых телегах везли карикатурные изображения Колчака, Юденича, Врангеля и Махно в сопровождении опечаленных «попов», «генералов» и «кулаков». Показывались эпизоды гражданской войны, создание Красной армии и ее вооруженные силы. На грузовиках были смонтированы макеты самолетов, бронемашин, шла кавалерия, пехота. Каждая группа участников имела соответствующие костюмы, бутафорный и натурный реквизит [5].

Помимо политических карнавалов и театрализованных постановок, в 20-х – начале 30-х годов широкое распространение получила еще одна тема и форма массового действа – так называемые антирелигиозные карнавалы. Организация подобных зрелищных мероприятий была вызвана кампанией настойчивой антирелигиозной пропаганды и беспощадной борьбой с церковью и ее служителями. В Беларуси антирелигиозные карнавалы организовывались городскими комсомольскими комитетами вместе с секциями безбожников и красноармейскими частями. И, как обычно, накануне больших религиозных праздников: Рождества и Пасхи. По сообщениям периодической печати того времени можно судить о порядке их проведения, сценариях, средствах и специфике художественно-декоративного оформления. Начинались они шествием карнавалных групп по главным улицам города, чаще всего в вечернее время. Главным смысловым и зрелищным центром карнавала являлись специально оборудованные и оформленные автомобили, на которых участниками разыгрывались живые картинки. Показывались «ад», «рай», «бог», «избиение младенцев», «рождение и победа революции» [6]. Созданию атмосферы желаемого веселья и праздности способствовали световые эффекты и иллюминация: факелы, бенгальские огни, армейские осветительные ракеты. Разухабистые, порой вульгарные частушки и песни сопровождалась музыкой духовых оркестров, свистом и шумом специальных трещоток. Участники костюмировались в соответствии с разыгрываемыми сценами. Шествия заканчивались на площадях сатирическими представлениями из жизни святых и сожжением выполненных художниками шаржированных фигур бога, сатаны, царя, капиталиста. Часто финальные сцены комментировались с импровизированной трибуны оратором-раешником. Секции безбожников и комсомольцы имитировали всеобщее веселье и «народные» гулянья [6]. Несмотря на боевитость и внешнюю эффектность, антирелигиозные карнавалы, как правило, низкопробной эстетики, граничащие порой с хулиганством и оскорблением чувств верующих, исчерпав сценарный ресурс новизны, превратившись в заштампованные акции, постепенно начали терять свою привлекательность и пропагандистскую значимость. Уже в конце 20-х – начале 30-х годов в основном используются только

ан-тирелигиозные плакаты и лозунги в убранстве колонн демонстрантов.

Рассматривая и анализируя особенности довоенного агитационно-массового искусства, необходимо хотя бы кратко остановиться на таком неординарном и мало исследованном явлении как использование приграничных территорий в качестве своеобразных сценических «площадок» для советских пропагандистских акций. Массовые приграничные празднества с элементами карнавала и показного веселья носили явный демонстрационный характер и призваны были играть действенную политическую роль не на советской, а на сопредельной территории Польши. Уникальную возможность для демонстрации превосходства большевистской власти, радостной и свободной жизни в СССР давали берега средних и больших пограничных рек. Например, Днепра и Западной Двины. Граница с Польшей по Двине начиналась за Полоцком и заканчивалась в Латвии. Старожилы Дисны, небольшого прибрежного городка, вспоминают: обычно спокойные восточные берега реки напротив Дисны оживлялись во время больших религиозных праздников (что было противостоительным для большевистской стороны): Пасхи, Троицы, Спаса. Дело в том, что в эти праздники, на фэсты, собиралось большое количество дисненцев и жителей окрестностей. На противоположном берегу, природной сценической площадке по специально подготовленному сценарию начинался «театр». Для оформительских работ, вероятнее всего, привлекались художники из Полоцка. Берег украшался естественно красными флагами, огромными полотнищами лозунгов, порой сооружались увитые зеленью и лентами арки со звездами. И, конечно, веселая музыка, песни и пляски. «Ударным» номером репертуара было появление трактора «Фордзон», который гоняли по берегу взад-вперед. Чтобы усилить эффект новой свободной жизни за рулем трактора обязательно должна была быть девушка или молодая женщина в красной косынке. Без сомнения, грохочущая машина, управляемая женщиной, производила на «западников» неизгладимое впечатление. Большинство из них подобное видели впервые.

Следует отметить, что такие демонстрационно-показные празднества (в основном Октябрьские и Первомайские) проводились на большинстве сопредельных территорий. Особенность их оформления заключалась в том, что главные элементы убранства рассчитывались на визуальное восприятие с больших расстояний, т. е. по ту сторону границы. Активную роль при этом, там, где имелось электричество, выполняла ночная иллюминация. Светящиеся эмблемы, цифры и транспаранты для лучшей видимости монтировались на большой высоте. Например, по сообщению газеты «Звезда» в канун 7-й годовщины Октябрьской революции в пограничном поселке Старобине Слуцкого уезда на высокой мачте установили большую (по всей видимости, электрофицированную) звезду, которая была видна в ряде закордонных деревень за несколько километров. Заметка «Красная звезда на границе» информировала: «7-го ноября мы

на границе поставили на высоком шесте красную звезду, кото-рая виднеется за несколько верст и дает знать нашим братьям там, за кордоном, о нашем великом творчестве, торжестве трудящихся Советской Белоруссии. Польский пограничник стоит задумавшись в ночное время, размышляя о неведомой ему жизни «пана большевика». А большая, красная пятиконечная звезда сияет на фоне ночного неба и, как маяк зовет к себе угнетенных трудящихся панской Польши» [7]. Пожалуй, о значимости подобных демонстрационных мероприятий, лучше не скажешь. И действительно, целенаправленная, настойчивая агитационно-идеологическая обработка самыми различными средствами жителей Западной Белоруссии имела определенный успех. Часть из них, особенно молодежь, с интересом воспринимала все новое, которое появлялось у большевистского соседа. Многие из них, стремясь попасть в «свободную» страну Советов, переходили границу (прочного «замка» не было) и, чаще всего попадали в ОГПУ. В лучшем случае после соответствующей обработки, с листовками, брошюрами и плакатами, отправлялись назад с задачей готовить пролетарскую революцию в Польше. В худшем – оказывались в лагерях как польские шпионы.

Большое значение придавалось оформлению железнодорожных станций и, особенно пограничных, своеобразных ворот в первую страну социализма. В Беларуси такими воротами являлась станция Негорелое в 50 км от Минска. Через нее проходили поезда из Польши и других стран Западной Европы. Уже в Первомайские дни 1921 г. она была убрана кумачом, флагами, лозунгами и зеленью. На фасаде помещался портрет Ленина. По параллельным железнодорожным веткам, декорированная плакатами и снабженная граммофоном курсировала автодрезина, с которой распространялись листовки и политическая литература. Прибывающие поезда должны были проходить под въездной монументальной аркой. В ночное время над ней загорались электрофицированные герб БССР и призыв «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» [8]. В конце 20-х – начале 30-х годов на станциях по пути следования поезда пассажиров встречали портреты Сталина с лозунгами «Да здравствует великий Сталин!», «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед к победе коммунизма!», «Да здравствует сталинская конституция!». Среди них особой «ударной» силой выделялся транспарант «Коммунизм сметет все границы!» [9]. У «несчастных» капиталистов, прибывающих по различным делам в СССР, он вызывал дрожь, у друзей страны Советов наоборот – радость от грядущего коммунистического «светлого будущего» в их угнетенных странах. В рассмотренной выше форме агитационное искусство «работало» вплоть до присоединения Западной Беларуси к БССР. Что касается карнаваловых представлений, то в начале 30-х годов в праздничных мероприятиях они начинают вытесняться игровыми сценами на производственные темы. Это время индустриализации и коллективизации в СССР. Производственная тема становится ведущей

(по настоянию партии) почти во всех областях искусства. На холстах художников задымили мартовские печи, в балет вводятся отбойные молотки и лопаты. На демонстрациях имитируются заводские конвейеры, на платформах грузовиков посредством макетов или настоящих станков создается соответствующая производственная обстановка, где участниками представления разыгрываются те или иные трудовые процессы. Самостоятельным жанром советских празднеств становятся парады физкультурников и массовые спортивно-театрализованные представления [9].

Заключение. Большинство форм агитационно-массового искусства того, предвоенного времени, ушло в историю, но отнюдь не бесследно. Опыт проведения и оформления массовых представлений 20-х – 30-х годов использовался и в последующие послевоенные десятилетия. Так, начиная с 1974 г., на протяжении ряда лет с большим размахом проводились карнавалы в дни празднования основания Витебска. Чаще всего открывали шествие и сопровождали карнавальную колонну сотни ряженных, акробатов, масок, певцов, сольные музыканты и целые импровизированные оркестры. Основу карнавального действа составляли декорированные автомобили с тематическими объемными установками, на которых разыгрывались исторические или гротескно-сатирические сцены. Своеобразной гигантской ареной в Витебске служила Западная Двина с ее высокими берегами, образующими естественный амфитеатр для тысяч зрителей и участников. Как обычно торжества начинались под вечер, что позволяло потом использовать ночные свето-пиротехнические эффекты. Сопровождаемые лучами прожекторов и подсвеченными струями воды из водометных установок на реке появлялся караван красочно оформленных барж, на которых последовательно воскрешалась история древнего города. Примечательно, что эти праздники-карнавалы были не «добровольно-принудительные» и показательные, как большинство советских торжеств, а действительно народными, с участием жителей всего города и гостей. С началом радикальных общественно-политических изменений в республике карнавалы празднования, к сожалению, прекратились. Есть надежда, что спустя некоторое время они вновь возродятся как источник положительных эмоций, как действенное средство отвлечения народа от повседневных забот и житейских проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Табайник, Б. 1-ое Мая в этом году / Б. Табайник // Трибуна искусства. – 1925. – № 8. – С. 3.
2. Массовое действо // Звезда. – 1925. – 14 лип.
3. Падрыхтоўка да Міжнароднага Чырвонага Дня // Звезда. – 1929. – 23 ліп.
4. Уваскрашаю старонкі мінулага // Звезда. – 1929. – 30 ліп.
5. Октябрьские торжества в Витебске // Заря Запада. – 1927. – 10 нояб.
6. В святочную ночь // Красная смена. – 1924. – 14 янв.
7. Красная звезда на границе // Звезда. – 1924. – 18 нояб.
8. 1-ое Мая на границе // Звезда. – 1921. – 18 мая.
9. Города БССР в октябрьские дни // Рабочий. – 1932. – 5 нояб.

Поступила в редакцию 13.10.2016 г.